

УДК 94(470)(091)

DOI: 10.18324/2224-1833-2025-2-110-118

Опыт изучения социально-экономических итогов новой экономической политики в историографии Восточной Сибири в 1990–2000-е гг.

Н.Л. Брянская

Байкальский государственный университет, ул. Ленина, 11, Иркутск, Россия

natal-zykova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5961-6788>

Статья поступила 28.04.2025, принята 12.05.2025

Период 1990–2000-х гг. в отечественной историографии характеризуется альтернативностью и многообразием исторических исследований. В частности, это интерес к социально-экономической истории 1920-х гг., которая представлена зарубежными, общероссийскими и региональными научными работами. Определенная преемственность в изучении данной темы сложилась в Восточной Сибири. Внимание региональных исследователей в основном сосредоточено на локальных событиях в деревне и городе. Методологическая база, язык текстов в целом носят традиционный характер. Особое внимание уделялось изучению адаптации населения к новым экономическим условиям, вызванным переходом к рыночной экономике. Анализировались процессы приватизации, изменения в формах собственности на землю и средства производства, а также их влияние на социальную структуру общества. Отдельное место занимали работы, посвященные анализу уровня жизни различных социальных групп, динамике доходов и расходов населения, а также проблемам бедности и социальной дифференциации. В рамках изучения социально-экономической истории Восточной Сибири рассматривались вопросы развития промышленности, сельского хозяйства, транспорта и торговли, тенденции развития отдельных отраслей экономики. Вместе с тем наблюдался определенный дефицит исследований, посвященных анализу макроэкономических процессов и их влияния на социально-экономическое развитие регионов. Недостаточно изученными оставались вопросы формирования новых экономических институтов, развития финансовой системы и ее роли в обеспечении экономического роста. Накопленный в данный период опыт исследований социально-экономической истории Восточной Сибири стал важной основой для дальнейшего развития исторической науки. Он позволил сформировать новые подходы к изучению социально-экономических процессов, расширить источниковую базу исследований и повысить качество анализа исторических явлений.

Ключевые слова: НЭП, социально-экономические последствия, Восточная Сибирь, историография, нэпманы.

Experience of studying the socio-economic outcomes of the new economic policy in the historiography of Eastern Siberia in 1990–2000s

N.L. Bryanskaya

Baikal State University; 11, Lenin St., Irkutsk, Russia

natal-zykova@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5961-6788>

Received 28.04.2025, accepted 12.05.2025

The period of 1990–2000s in Russian historiography is characterized by the alternativeness and diversity of historical research. In particular, it is the interest in the socio-economic history of the 1920s, which is represented by foreign, all-Russian and regional scientific works. A certain continuity in the study of this topic has developed in Eastern Siberia. The attention of regional researchers is mainly focused on local events in the village and the city. The methodological basis, the language of the texts are generally traditional. Special attention is paid to the study of the adaptation of the population to the new economic conditions caused by the transition to a market economy. The processes of privatization, changes in the forms of ownership of land and means of production, as well as their impact on the social structure of society are analyzed. A separate place is occupied by the works devoted to the analysis of living standards of various social groups, the dynamics of incomes and expenditures of the population, as well as the problems of poverty and social differentiation. As part of the study of socio-economic history of Eastern Siberia, the issues of development of industry, agriculture, transportation and trade, trends in the development of individual sectors of the economy were considered. At the same time, there was a certain deficit of studies devoted to the analysis of macroeconomic processes and their impact on the socio-economic development of the regions. The issues of formation of new economic institutions, development of the financial system and its role in ensuring economic growth remained insufficiently studied. The experience accumulated during this period of research into the socio-economic history of Eastern Siberia has become an important basis for the further development of historical science. It allows to form new approaches to the study of socio-economic processes, expand the source base of research and improve the quality of analysis of historical phenomena.

Keywords: NEP, socio-economic consequences, Eastern Siberia, historiography, nepmen.

Введение. Отечественная история включает большое количество проблем, которые постоянно требуют пристального внимания. Одной из них является новая экономическая политика (далее – НЭП), историография которой постоянно пополняется новыми исследованиями, поскольку продолжает оставаться актуальной по сей день. НЭП затрагивает огромный спектр вопросов, связанных с экономическими изменениями, которые, в свою очередь, вызывали социальные изменения общества, его структуры. Также нэп имел целый ряд социально-экономических последствий для советского общества 1920-х гг.

Все указанные вопросы стали актуальны в российской историографии в 1990-е гг. Это был непростой период в истории нашей страны, когда происходило становление новых парадигм общественного развития и историки сравнивали экономические изменения и их последствия с периодом 1920-х гг. Активному интересу к изучению нэпа способствовало исчезновение идеологических и цензурных барьеров, а также развитие рыночных отношений в стране. Поэтому с 1990-х гг. начался этап активного изучения новой экономической политики, преобразования которой имели неоднозначные социально-экономические последствия. К ним следует отнести изменения в социальной структуре советского города и деревни 1920-х гг. и, как следствие, возникновение различных социальных групп, таких как маргинальные слои; середняки в деревне и частные торговцы «нэпманы» в городах; партийная бюрократия и торговая элита; иностранные специалисты.

Также у исследователей появляется интерес к таким итогам нэпа, как изменение потребительской культуры, сращивание торговой и партийной номенклатуры, появление теневого сектора экономики, взаимодействие государства и частного сектора и т. д.

Обсуждение и результаты. Одним из популярных подходов в 1990-е гг. у исследователей нэпа стал ретроспективный анализ, с помощью которого пытались сравнивать экономику 1920-х и 1990-х гг. для лучшего понимания реальных процессов того периода [1]. Однако обе экономические системы имели существенные отличия, которые не давали в полной мере исследовать проблему. Тогда в рамках данного подхода вектор был смещён в сторону комплексного анализа выбора объекта и предмета.

Период 1990-х гг. в историографии новой экономической политики отмечен активным вниманием к зарубежным исследованиям нэпа и его последствиям. Здесь выделяются несколько интересных работ, которые анализируют нэп с различных методологических подходов. На наш взгляд,

они существенно помогают понять специфику социально-экономических процессов того периода. Особого внимания заслуживают труды историка российской экономики М. Харрисона [2], М. Хилтон [3], Дж. Хесслер [4], которые отличают глубокий анализ проблемы и многовариантный подход к феномену новой экономической политики.

Историк российской экономики Марк Харрисон стал известным в научных кругах в 1980-е гг. благодаря фундаментальным исследованиям советской экономики периода 1920-х гг. Его выводы, ставшие важной частью академических дискуссий, нашли отклик в части монографий и учебников по отечественной истории. В одной из своих русскоязычных работ в соавторстве с российским историком-экономистом А. Маркевичем Харрисон дал всесторонний анализ обширного исторического периода с 1913 по 1928 г., включающего Первую мировую войну, Гражданскую войну и восстановительный период 1921–1928 гг. На основе проведенного анализа авторы делают вывод, что нэп не являлся эффективной политикой, результатом которой стало возникновение институтов, послуживших основой долгосрочного развития советской экономики [5].

Другой исследователь российской истории, Маргарет Хилтон, анализирует эволюцию потребительской культуры в России с 1880-х по 1930-е гг. Она рассматривает коммерческую деятельность нэпманов как важный социокультурный феномен, который приводит к развитию потребительства в обществе. Хилтон представляет потребительство как инструмент формирования классов, урбанизации и механизм управления в условиях социалистической трансформации советского общества 1920-х гг. [3].

В 1990-е гг. еще один зарубежный исследователь экономической истории России – Джейн Хесслер в определенной степени заложила основы современного подхода в изучении новой экономической политики [4]. Имея многолетний опыт работы по данной теме и глубокие знания зарубежной и отечественной историографии нэпа, она внесла существенный вклад в развитие методологии его изучения.

В указанный период в отечественной историографии накопилось достаточное количество разнообразных данных теоретического и фактического порядка, касающихся различных аспектов нэпа, в том числе частной торговли. Они чаще всего рассматривались в рамках обобщающих исследований и аналитических статей, посвященных истории нэпа. Тем не менее историографические исследования, посвященные частному предпри-

нимательству и его последствиям в экономике 1920-х гг., оставались достаточно ограниченными.

Региональная историография нэпа в указанный период характеризуется рядом тенденций, которые аналогичны его отечественной историографии. Для более глубокого понимания специфики региональных исследований данной проблемы представляется логичным сначала рассмотреть ключевые тенденции и проблемы в общероссийском масштабе. Это поможет выявить общие закономерности и специфические особенности изучения нэпа и его последствий на региональном уровне.

С середины 1990-х гг. в общероссийской историографии нэпа активно развиваются несколько специфических исследовательских направлений. Одним из наиболее значимых и популярных является изучение роли частного предпринимательства и его последствий. Данный подход изучается в контексте структурных трансформаций и их влияния на социально-политические аспекты развития советского общества.

В рамках данного подхода исследователи проводят тщательный анализ социально-экономических условий, в которых функционировали представители частного предпринимательства в различных отраслях экономики [6]. При этом особое внимание уделяется формам и методам их экономической деятельности. В рамках данной парадигмы также исследуются механизмы взаимоотношений государства и частного сектора, что позволяет более глубоко понять специфику экономических отношений в годы нэпа [7].

Очень важна оценка вклада частного предпринимательства 1920-х гг. в формирование и развитие региональной экономической конъюнктуры. В этой связи рассматриваются такие аспекты, как количественные показатели, инновационная активность, предпринимательская культура, их влияние на социально-экономическое развитие и долгосрочные перспективы страны [8].

Исследование феномена частного предпринимательства и его последствий в годы нэпа дает возможность более тщательно понять механизмы экономической трансформации и их значимость для формирования устойчивой экономической системы.

Тема частной торговли продолжает оставаться предметом пристального внимания историков. Центральное место здесь занимает процесс трансформации частного предпринимательства в 1920-е гг. и его взаимодействие с государственными органами. Исследователи отмечают, что данная сфера находилась под наиболее жестким государственным контролем. С другой стороны, именно данная область давала уникальные возможности для про-

явления предпринимательской активности определенных слоев населения [9,10].

Тем не менее, несмотря на существенный объем проведенных исследований в 1990-х гг., остаются не до конца раскрытыми вопросы, связанные с динамикой развития данного сегмента экономики и последствиями для хозяйственной системы страны неравномерной государственной политики в отношении частной торговли, на которую шло очень жесткое административное давление.

Таким образом, тема частной торговли и предпринимательства в контексте новой экономической политики продолжает оставаться предметом оживленных научных дискуссий и исследований. Это многослойное направление, с одной стороны, но недостаточно изученное, с другой, стимулирует исследователей на дальнейшие углубленные разработки данной темы в свете открывшихся новых фактов на основе уже имеющихся эмпирических данных.

Комплексное исследование данной проблематики способствует более глубокому пониманию механизмов взаимодействия частного сектора и государства, последствий этих взаимоотношений, а также выявлению факторов, определяющих устойчивость предпринимательских структур к изменяющимся условиям экономической среды.

За прошедшие двадцать лет исследования экономики периода нэпа несколько пошли на спад, поскольку ведущими стали тенденции в области исследования социальной истории, истории повседневности, истории культуры эпохи нэпа [11].

Специалист по истории нэпа И.Б. Орлов отмечал, что в 2000-е гг. произошло смещение исследовательских интересов в сторону истории повседневности [12]. Это дало возможность исследователям более подробно проанализировать социальные последствия нэпа.

Среди исследовательских работ по данной теме выделяются исследования традиционного направления, связанные с управлением экономическими процессами в 1920-е гг. [13–15], и новый локальный подход, связанный с методологией лестерской школы [16,17].

Локальные исследования в рамках нового подхода, безусловно, представляют большой интерес. Дело в том, что частная торговля в условиях новой экономической политики, которая характеризуется экстремальными изменениями, показывает местную специфику и социальные взаимосвязи, тем самым давая понять, что существует тесная связь между диалектикой глобального и локального.

Среди региональных исследователей нэпа выделяется сибирский исследователь Е.В. Демчик [18]. Еще в 1990-е гг. на волне интереса к предпринимательству периода нэпа она вынесла на

обсуждение проблему неоднозначного двойственного отношения местных властей к деятельности частной торговли и нового социального слоя нэпманов, с одной стороны, и на необходимость ее существования для экономики, с другой [19].

В последующие годы Демчик неуклонно расширяла свои исследования в рамках данной темы, открывая все новые грани нэпа, исследовала множество социально-экономических аспектов новой экономической политики и их последствия. Тем не менее, несмотря на большое количество исследований данной темы, Е.В. Демчик в своих работах рассматривает Сибирь в целом, но не берет отдельные регионы, например Иркутск, Красноярск и т. д.

В общероссийской историографии нэпа 1990-х гг. отметим еще одно значимое направление, связанное с использованием методов исторической информатики. Необходимость его применения обусловлена тем, что в условиях рыночных отношений периода нэпа, экономическая деятельность и ее последствия отличаются сложностью и многообразием. В данной ситуации компьютерный анализ и моделирование являются незаменимыми инструментами для изучения этих процессов и обоснования выводов. Подобная необходимость была продемонстрирована в исследованиях специалистов в 1990-е гг. [20].

Новый период в историографии нэпа и его последствий приходится на 2000-е гг. Это был период, когда бурные научные споры 1990-х гг. в рамках становления российской историографии подошли к концу и исследования нэпа вышли на новый качественный уровень.

Период 2000-х гг. стал временем наиболее благоприятным в отношении исторического поиска. Он ознаменовался некоторым изменением методологических подходов в историографии изучаемой темы. В условиях активно продолжавшихся рыночных преобразований опыт новой экономической политики в силу своей ограниченности несколько утратил актуальность, поскольку планка рыночных реформ, установленных ею, была пройдена. С подобных позиций на современном этапе продолжаются исследования социально-экономических вопросов нэпа и его последствий.

Современный этап отличается многообразием методологических подходов при отсутствии ограничений в выборе пути исследования. Это позволило ученым поднимать и изучать недоступные ранее вопросы, а также переосмысливать старые темы в новом методологическом качестве.

В рассматриваемые годы в отечественной историографии происходит существенное снижение интереса к теме новой экономической политики. Возможно, это объясняется тем, что научная дея-

тельность и изыскания в данной области перешли в стадию упорядоченного и систематического развития.

Исключением из данного тренда стал 2021 г., который знаменовал собой 100-летний юбилей нэпа. Это событие на некоторое время вызвало оживление в научном мире, что нашло своё отражение в проведении большого количества соответствующих тематике конференций, круглых столов [21]. В рамках этих мероприятий были подведены соответствующие итоги, определены приоритетные научные направления и проблемы изучения нэпа, что свидетельствует о высокой значимости данного периода для современных экономических исследований.

В сибирской историографии период нэпа представлен достаточно широкой проблематикой, но преимущественно в сфере политики и экономики. Социально-экономическая история периода нэпа исследована гораздо меньше. В этом плане логично проанализировать историографию проблемы в Восточной Сибири.

Существенный вклад в историографию указанной темы внесла красноярская школа историков. Ее выдающимся представителем и крупным специалистом по советским преобразованиям 1920-х гг. в сибирской деревне был В.В. Гришаев [22]. В работах достаточно четко прослежены изменения в социальной структуре крестьян в результате проведения новой экономической политики в деревне.

Несмотря на активные исследования в данной области, центр крестьяноведения в Красноярске не сложился. Тем не менее определенная преемственность в изучении социально-экономических проблем и их последствий в 1920-е гг. присутствует.

Другой красноярский исследователь нэпа, М.Д. Северьянов, также много внимания уделяет социально-политическим последствиям новой экономической политики. В своей докторской диссертации он отмечает сильное социальное расслоение в деревне как результат нэпа, утверждает, что нэп изначально был обречен и в итоге привел к негативным последствиям для крестьян.

Характеризуя политические последствия нэпа, автор в рамках процесса формирования и развития бюрократического аппарата выделяет советскую элиту в качестве нового социального слоя наряду с нэпманами, но свой тезис обосновывает, на наш взгляд, недостаточно [23]. В ряде других монографий М.Д. Северьянова указанные положения развернуты более подробно [24–26]. Тем не менее складывается впечатление, что автор акцентирует внимание на 1990-х гг., а не на 1920-х гг. Определенная риторика в отношении советской власти

и стиль высказываний также отсылают нас в 1990-е гг. Тем не менее автор достаточно четко указывает на негативные социально-политические последствия нэпа.

Еще один красноярский исследователь социальных последствий нэпа – А.С. Жулаева считает, что в ходе нэповских преобразований произошло структурное изменение традиционной крестьянской семьи и деревни в целом. Это привело к резкой поляризации социальной структуры деревни, росту бедности, а также к социальным крестьянским протестам, противоречиям и конфликтам, вызванным, помимо прочего, идеологической политикой государства [27].

Жулаева А.С. также является одним из авторов монографии о последствиях нэпа в отношении сибирской деревни [28]. На наш взгляд, в данной работе недостаточно раскрыты методология и историография представленной темы. Также автор продолжает говорить о Сибири в целом, приводя примеры локальных ситуаций, что не дает нам подробной четкой общей взаимосвязанной картины.

Социальные последствия новой экономической политики исследованы в работе И.И. Крылова. Автор анализирует условия жизни горожан в 1920-е гг. и делает вывод, что в городах не наблюдалось резкой дифференциации населения по уровню жизни, так как большая часть городских жителей принадлежала к малоимущим. [29].

Также посвящена новой экономической политике и ее последствиям диссертация А.И. Бакшеева. Складывается впечатление, что автору сложно определиться с методологической позицией: с одной стороны, его тема напоминает об идеологических установках советской историографии в отношении изучения нэпа, с другой – близка реалиям борьбы за власть 1993 г. [30].

В ряде статей Бакшеев делает вывод, что политика нэпа в деревне привела к формированию более четкой, основанной на классовом подходе социальной структуры крестьянства [31–33]. В статье о голоде в Сибири в 1921–1924 гг. автор называет причиной голода экономические реформы 1920-х гг. [34].

Две другие монографии автора посвящены проблематике административного управления в годы нэпа [35,36]. А.И. Бакшеев делает вывод о постоянном ожидании советским руководством вооруженного вторжения извне, отсюда и жесткий тоталитарный стиль руководства. Возможно, что автор переосмысливает известную работу С. Коткина [37] и концепцию мобилизационной модели хозяйственного освоения Сибири в советский период [38].

Сложная и малоизученная тема иностранных мигрантов в Сибири в годы нэпа исследуется

в ряде работ красноярского историка В.Г. Дацышена. Данный вопрос автор рассматривает на примере жизни китайской общины в Приенисейском крае [39,40].

Крупным региональным центром исторической науки Восточной Сибири является Иркутск. В период с 1990-х по 2000-е гг. тематика нэпа в Сибири представлена в исследованиях М.А. Винокурова и А.П. Суходолова [41,42], В.И. Литвиной [43], Н.Л. Зыковой [44]. В перечисленных работах подробно анализируются экономические меры нэпа и их последствия. Социальные аспекты имеют второстепенный характер.

Среди немногочисленных работ по данной проблематике выделим диссертацию Т.М. Карловой, защищенную в 1998 г. Автор делает вывод о том, что экономические реформы 1920-х гг. привели к повышению уровня социальной защищенности работников на частных предприятиях [45, 46].

Значительный интерес представляют труды Е.Н. Афанасовой, затрагивающие тематику материнства и детства в период новой экономической политики [47,48]. В своей работе автор ограничилась традиционными общесторическими и научными подходами. На наш взгляд, очень слабо показана связь экономических реформ и связанных с ними проблем детской беспризорности, социальной защищенности женщин на производстве.

Изучению социальной политики в годы нэпа посвящено исследование иркутского историка И.В. Орловой [49]. Обращает внимание сильная методология данной работы, основанная на использовании общенаучных, специально-исторических методов, контент-анализе, социальной психологии, а также четко соответствующие целям и задачам выводы. Тем не менее, на наш взгляд, автор не всегда учитывает имеющуюся новейшую литературу по социальной истории, не проводит сравнительного анализа полученных результатов со статистическими данными по Сибири и Советской России в целом.

Особого внимания заслуживает исследование образа жизни крестьянства Восточной Сибири в 1920-е гг. иркутского историка В.А. Шаламова [50]. Автор подробно анализирует структуру крестьянского хозяйства, доходы, расходы, влияние экономических реформ нэпа на жизнь крестьян. Помимо традиционных исторических методов, в работе используются методы устной истории, что придает труду определенную ценность. Следует отметить вовлечение в научный оборот впервые комплекса воспоминаний исследуемого периода.

Автор делает вывод, что реформы нэпа в деревне привели к разрушению старого деления крестьянской общины.

Выделим еще один научный труд, а именно диссертацию В.В. Иванова, где подробно исследуются взаимоотношения между властью и крестьянством в годы новой экономической политики, дается подробный анализ крестьянских протестов как последствий нэпа. Обращает внимание подробный историографический анализ как отечественных, так и зарубежных исследователей проблемы [51].

В Восточной Сибири имеется немало национальных научных исследовательских центров, где занимаются изучением актуальных вопросов новой экономической политики и ее различных аспектов, связанных с экономическими, социальными, политическими и другими факторами периода 1920-х гг. Однако в этих работах в большинстве своем акцентируется внимание на национальном, культурном и административном строительстве, которое хоть и оказало немаловажное воздействие на общество, но непосредственно не связано с тематикой экономических преобразований в Советской России.

Выводы. Таким образом, опыт изучения новой экономической политики и ее последствий в историографии Восточной Сибири представлен достаточно разнообразной проблематикой и значительным количеством научно-исследовательских работ, касающихся различных вопросов влияния экономических реформ 1920-х гг. на экономическую, политическую, социальную сферы совет-

ского общества, а также анализа социально-экономических последствий и итогов нэпа.

Перечисленные работы наглядно отражают развитие исторической науки в 1990–2000-е гг., непростой путь формирования отечественной историографии проблемы от поверхностного освещения вопросов до сложного многовариантного осмысления периода социально-экономических преобразований 1920-х гг.

За это время в научный оборот по теме нэпа было введено большое количество новых источников, архивных материалов, статистических данных, сформированы новые методологические подходы, исследованы новые проблемы.

В то же время часть работ, выполненных исследователями на волне популярности темы нэпа за короткий промежуток времени, особенно в 1990-е и начале 2000-х гг., продолжения не получили.

В итоге целостной картины развития новой экономической политики в Восточной Сибири на сегодняшний день не сложилось. Впрочем, эта проблема характерна и для всей общероссийской историографии, как отмечает историограф И.Б. Орлов [52].

В целом эпоха нэпа – это сложный период отечественной истории. Большое количество центростремительных и центробежных процессов характеризуют эти годы. Поэтому они ждут своего глобального всестороннего исследования.

Литература

1. Полетаев А.В., Савельева И.М. Сравнительный анализ двух системных кризисов в российской истории (1920-е и 1990-е гг.). Экономическая история: ежегодник, 2001, 2000. С. 98–134.
2. Harrison M. Why did NEP fail? // Economics of Planning. 1980. Vol. 16. № 2. Pp. 57–67.
3. Hilton M.L. Selling to the masses: Retailing in Russia, 1880–1930. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2014. 344 p.
4. Hessler J. A Social history of Soviet trade: Trade policy, retail practices and consumption, 1917–1953. Princeton: Princeton University Press, 2004. 366 p.
5. Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013. 109 с.
6. Давыдов А.Ю. Новая экономическая политика: власть, народ, хозяйство в послереволюционной России (1921–1929 гг.). СПб.: Евразия, 2021. 320 с.
7. Демчик Е.В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1998. 239 с.
8. Орлов И.Б. Новая экономическая политика: государственное управление и социально-экономические проблемы 1921–1928 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 365 с.
9. Твердюкова Е.Д. Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – середина 1950-х гг.): историко-правовой анализ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 328 с.
10. Твердюкова Е.Д. Persona non grata: участник в советской торговле на рубеже 1920–1930-х гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 4. № 4. С. 24–35.
11. Оришев А.Б., Тарасенко В.Н. О тенденциях в историографии НЭПа // Filo Ariadne. 2016. № 3. С. 37–46.
12. Орлов И.Б. Современная отечественная историография нэпа: достижения, проблематика, перспективы // Отечественная история. 1999. № 1. С. 102–116.
13. Белковец Л.П., Белковец С.В. Экономическая политика Советской России (СССР). 1920–1930-е гг. // Genesis: исторические исследования. 2015. № 6. С. 560–691.
14. Котельников А.С. Государственное регулирование частного капитала в 1920-е гг.: региональные особенности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 4. С. 47–53.
15. Шабашова Е.В. Государственное регулирование розничной торговли и торговой рекламы в период нэпа // Управление мегаполисом. 2012. № 1. С. 62–76.
16. Виноградов С.В., Ещенко Ю.Г., Кулакова Н.И. Частное предпринимательство в период НЭПа (на материалах Поволжья) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 4. С. 139–150.
17. Петришина И.Д. Воронежские базары 1920-х годов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2017. № 2. С. 84–88.
18. Демчик Е.В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е гг.: от возрождения к ликвидации. Барнаул: АлтГУ, 1998. 239 с.

19. Демчик Е.В. Частные торговцы в годы нэпа: возрождение и гибель профессии (на материалах Сибири) // Историческое профессиоведение / под ред. В. Н. Владимирова. Барнаул: АлтГУ, 2004. С. 160–183.
20. Максимов С.В. Структура безработицы 20-х годов в СССР: новый подход к ее изучению // Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях / отв. ред. Л.В. Милов. М.: Наука, 1992. С. 210–232.
21. К 100-летию введения новой экономической политики в Советской Республике: международная научная конференция (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 27 апреля 2021 г.); 100 лет новой экономической политике и социалистический рынок: история и современность: всероссийская научная конференция (Москва, Ин-т экономики РАН, 21 июля 2021); Новая экономическая политика и социалистические практики XXI в. (к 100-летию нэпа): международная научная конференция (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 6–7 ноября 2021 г.) и др.
22. Гришаев В.В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России 1917–1929 гг. М.: Мысль, 1976. 192 с.
23. Северьянов М.Д. Социально-политические аспекты новой экономической политики в Сибири (1921–1929 гг.): автореф. дис... док. ист. наук. Иркутск, 1994. 43 с.
24. Северьянов М.Д. Нэп и современность: полемические заметки. Красноярск: КГУ, 1991. 318 с.
25. Северьянов М.Д. Капитализм в Советской России. 1917–1937. Красноярск: Кларетианум, 2001. 268 с.
26. Северьянов М.Д. Сибирская доколхозная деревня: землепользование, землеустройство и переселение (1861–1930 гг.). Кызыл: Тывинский гос. ун-т, 2010. 246 с.
27. Жулаева А.С. Образ жизни крестьян Восточной Сибири 1920–1926 гг. (К проблемам соотношения традиций и новаций): Автореф. дис... канд. ист. наук. Красноярск, 1999. 22 с.
28. Жулаева А.С., Лушаева Г.М. Сельское население Сибири первой половины 20-х годов XX века: социальные проблемы и противоречия. Красноярск: СибГТУ, 2007. 274 с.
29. Крылов И.И. Условия жизни горожан в Приенисейском регионе в 1921–1929 гг. Красноярск: КГТЭИ, 2010. 157 с.
30. Бакшеев А.И. Опыт и проблемы взаимоотношений Советов и партийных организаций Восточной Сибири (1921–1925 гг.): автореф. дис...канд. ист. наук. Иркутск, 1992. 24 с.
31. Бакшеев А.И. Социально-психологическое мышление сибирского крестьянства в период НЭПа // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т.7. № 8. С. 11–13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskoe-myshlenie-sibirskogo-krestyanstva-v-period-nepa> (дата обращения: 04.02.2025).
32. Бакшеев А.И., Филимонов В.В., Ноздрин Д.А. Политика переселения крестьянства из регионов европейской части СССР в Сибирь в 20-х гг. XX в. // Этносоциум и межнациональная культура. 2018. № 12. С. 40–48.
33. Бакшеев А.И., Бобылева О.М. Отечественный опыт государственного содействия переселенцам в Сибирь в первые десятилетия XX века // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 3 (36). С. 220 – 229.
34. Бакшеев А.И. Причины, последствия и борьба с голодом 1921–1924 гг. в Сибири // Федерализм. 2013. № 2. С. 183–190.
35. Бакшеев А.И. Проблемы советской государственности в Сибири периода нэпа. Красноярск: СФУ, 2013. 345 с.
36. Бакшеев А.И. НЭП в Сибири. Атмосфера и логика войны. Красноярск: КрасГМУ, 2020. 145 с.
37. Kotkin S., Richardson W. Magnetic mountain: Stalinism as a civilization // History: Reviews of New Books. 1995. Т. 24. № 1. С. 37–38.
38. Мобилизационная стратегия хозяйственного освоения Сибири: программы и практики советского периода (1920 – 1980-е гг.). Новосибирск: Параллель, 2013. 381 с.
39. Дацышен В.Г. и др. Приенисейская Сибирь в советско-китайских отношениях (1917–начало 1980-х гг.). Красноярск: СФУ, 2016. 372 с.
40. Дацышен В.Г., Кутилова Л.А. Китайцы в Приенисейской Сибири в конце 1910-х–1920-е гг.: исследование регионального варианта общины мигрантов и уточнение концептуальных понятий // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 65. С.154–164.
41. Винокуров М.А. Сибирь в первой четверти XX века: освоение территории, население, промышленность, торговля, финансы. Иркутск: Изд-во Иркут. экон. акад., 1996. 186 с.
42. Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири: 1900–1928. Новосибирск: Наука, Сибирская изд. фирма РАН, 1996. 320 с.
43. Литвина В.И. Нэп и частное предпринимательство в Приангарье // Иркутская область в панораме веков: материалы науч.-практ. конференции (Иркутск, 23 сент. 1997 г.). Иркутск: ИГУ, 1997. С. 23–27
44. Зыкова Н.Л. Частная торговля в Енисейской и Иркутской губерниях в 1920-е гг.: автореф. дис.... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2007. 27 с. 45. Карлова Т.М. Частное предпринимательство в промышленности и торговле-закупочном секторе экономики Восточной Сибири в годы нэпа: дис... канд. ист. наук. Иркутск, 1999. 247 с.
46. Карлова Т.М. Проблемы социального развития в торговле-промышленном секторе экономики Восточной Сибири в годы НЭПа // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2012. № 8. С. 89–92.
47. Афанасова Е.Н. Детская беспризорность в Восточной Сибири в 1920-1930-х гг. Опыт реализации государственной политики в сфере социальной защиты детства. Монография. Германия: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 282 с. URL: <https://www.iprbookshop.ru/11454.html> (дата обращения: 07.02.2025).
48. Афанасова Е.Н. Материалы региональных архивов об охране материнства и детства в Восточной Сибири в 1920–1930-х гг. // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2015. № 4 (99). С. 365–369.
49. Орлова И.В. Реализация социальной политики Советского государства в годы нэпа (на материалах Енисейской и Иркутской губерний): дис...канд. ист. наук. Иркутск, 2007. 283 с.
50. Шаламов В.А. Образ жизни крестьянства в Восточной Сибири (на материалах Иркутского и Красноярского архивов): автореф. дис... канд. ист. наук. Иркутск, 2011. 23 с.
51. Иванов В.В. Советское государство и крестьянство в 1920–1927 гг.: опыт взаимовлияния (на материалах Приангарья): дис... канд. ист. наук. Иркутск, 2017. 270 с.
52. Орлов И.Б. Нэп: современные дискуссии и перспективы изучения // Российская государственность: опыт 1150-летней истории: материалы международной научной конференции (Москва, 4–5 декабря 2012 г.). М.: ИРИ РАН, 2013. С. 387–395.

References

1. Poletaev A.V., Savelyeva I.M. Comparative analysis of two systemic crises in Russian history (1920s and 1990s). Economic history: yearbook, 2001, 2000. Pp. 98–134.
2. Harrison M. Why did NEP fail? // Economics of Planning. 1980. Vol. 16. No. 2. Pp. 57–67.
3. Hilton M. L. Selling to the masses: Retailing in Russia, 1880–1930. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2014. 344 p.

4. Hessler J. A Social history of Soviet trade: Trade policy, retail practices and consumption, 1917–1953. Princeton: Princeton University Press, 2004. 366 p.
5. Markevich A., Harrison M. The First World War, Civil War, and Reconstruction: Russia's National Income in 1913–1928. Moscow: Mysl', 2013. 109 p.
6. Davydov A.Yu. New Economic Policy: Power, People, and Economy in Post-Revolutionary Russia (1921–1929). St. Petersburg: Eurasia, 2021. 320 p.
7. Demchik E.V. Private Capital in Siberian Cities in the 1920s: From Revival to Liquidation. Barnaul: Altai State University, 1998. 239 p.
8. Orlov I.B. New Economic Policy: Public Administration and Socio-Economic Problems of 1921–1928: Dis. ... Doctor of History. Moscow, 2000. 365 p.
9. Tverdyukova E.D. State regulation of trade in the USSR (late 1920s – mid-1950s): historical and legal analysis. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2011. 328 p.
10. Tverdyukova E.D. Persona non grata: private trader in Soviet trade at the turn of the 1920s and 1930s // Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2010. Vol. 4. No. 4. Pp. 24–35.
11. Orishev A.B., Tarasenko V.N. On trends in the historiography of the NEP // Filo Ariadne. 2016. No. 3. P. 37–46.
12. Orlov I.B. Modern Russian Historiography of the NEP: Achievements, Problems, Prospects // Russian History. 1999. No. 1. P. 102–116.
13. Belkovets L.P., Belkovets S.V. Economic Policy of Soviet Russia (USSR). 1920–1930s // Genesis: Historical Research. 2015. No. 6. P. 560–691.
14. Kotelnikov A.S. State Regulation of Private Capital in the 1920s: Regional Features // Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2015. No. 4. P. 47–53.
15. Shabashova E.V. State regulation of retail trade and trade advertising during the NEP period // Metropolis management. 2012. No. 1. Pp. 62–76.
16. Vinogradov S.V., Yeshchenko Yu.G., Kulakova N.I. Private entrepreneurship during the NEP period (based on the Volga region materials) // Bulletin of Volgograd State University. Series 4: History. Regional studies. International relations. 2017. Vol. 22. No. 4. Pp. 139–150.
17. Petrishina I.D. Voronezh bazaars of the 1920s // Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology. 2017. No. 2. Pp. 84–88.
18. Demchik E.V. Private capital in Siberian cities in the 1920s: from revival to liquidation. Barnaul: Altai State University, 1998. 239 p.
19. Demchik E.V. Private traders during the NEP years: the revival and death of the profession (based on Siberian materials) // Historical professional studies / edited by V.N. Vladimirov. Barnaul: Altai State University, 2004. Pp. 160–183.
20. Maksimov S.V. The structure of unemployment in the 1920s in the USSR: a new approach to its study // Russia and the USA at the turn of the 19th–20th centuries. Mathematical methods in historical research / edited by L.V. Milov. Moscow: Nauka, 1992. Pp. 210–232.
21. On the 100th Anniversary of the Introduction of the New Economic Policy in the Soviet Republic: International Scientific Conference (Moscow, Lomonosov Moscow State University, April 27, 2021); 100 Years of the New Economic Policy and the Socialist Market: History and Modernity: All-Russian Scientific Conference (Moscow, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, July 21, 2021); New Economic Policy and Socialist Practices of the 21st Century (on the 100th Anniversary of the NEP): International Scientific Conference (Moscow, Lomonosov Moscow State University, November 6–7, 2021), etc.
22. Grishaev V.V. Agricultural Communes of Soviet Russia 1917–1929. Moscow: Mysl', 1976. 192 p.
23. Severyanov M.D. Socio-political aspects of the new economic policy in Siberia (1921–1929): author's abstract. diss... doc. of history. Irkutsk, 1994. 43 p.
24. Sever'yanov M.D. NEP and modernity: polemical notes. Krasnoyarsk: KSU, 1991. 318 p.
25. Sever'yanov M.D. Capitalism in Soviet Russia. 1917–1937. Krasnoyarsk: Klaretianum, 2001. 268 p.
26. Sever'yanov M.D. Siberian pre-collective farm village: land use, land management and resettlement (1861–1930). Kyzyl: Tyva State University, 2010. 246 p.
27. Zhulaeva A.S. The Way of Life of Peasants in Eastern Siberia in 1920–1926 (On the Problems of the Relationship between Traditions and Innovations): Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Krasnoyarsk, 1999. 22 p.
28. Zhulaeva A.S., Lushchaeva G.M. Rural Population of Siberia in the First Half of the 1920s: Social Problems and Contradictions. Krasnoyarsk: SibSTU, 2007. 274 p.
29. Krylov I.I. Living Conditions of City Residents in the Yenisei Region in 1921–1929. Krasnoyarsk: KGTEI, 2010. 157 p.
30. Baksheev A.I. Experience and Problems of Relations between Soviets and Party Organizations in Eastern Siberia (1921–1925): Abstract of Cand. Sci. (Hist.) Dissertation. Irkutsk, 1992. 24 p.
31. Baksheev A.I. Social and psychological thinking of the Siberian peasantry during the NEP period // Historical and social-educational thought. 2015. Vol. 7. No. 8. Pp. 11–13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskoe-myshlenie-sibirskogo-krestyanstva-v-period-nepa> (accessed: 04.02.2025).
32. Baksheev A.I., Filimonov V.V., Nozdin D.A. The policy of resettling the peasantry from the regions of the European part of the USSR to Siberia in the 1920s // Ethnosociety and inter-ethnic culture. 2018. No. 12. Pp. 40–48.
33. Baksheev A.I., Bobyleva O.M. Domestic experience of state assistance to settlers in Siberia in the first decades of the 20th century // News of the Laboratory of Ancient Technologies. 2020. Vol. 16. No. 3 (36). Pp. 220 – 229.
34. Baksheev A.I. Causes, consequences and fight against famine of 1921–1924 in Siberia // Federalism. 2013. No. 2. Pp. 183–190.
35. Baksheev A.I. Problems of Soviet statehood in Siberia during the NEP period. Krasnoyarsk: SFU, 2013. 345 p.
36. Baksheev A.I. NEP in Siberia. Atmosphere and logic of war. Krasnoyarsk: KrasSMU, 2020. 145 p.
37. Kotkin S., Richardson W. Magnetic mountain: Stalinism as a civilization // History: Reviews of New Books. 1995. Vol. 24. No. 1. Pp. 37–38.
38. Mobilization strategy for the economic development of Siberia: programs and practices of the Soviet period (1920–1980s). Novosibirsk: Parallel, 2013. 381 p.
39. Datsyshen V.G. et al. Yenisei Siberia in Soviet-Chinese relations (1917 – early 1980s). Krasnoyarsk: SFU, 2016. 372 p.
40. Datsyshen V.G., Kutilova L.A. The Chinese in Yenisei Siberia in the Late 1910s–1920s: A Study of the Regional Variant of the Migrant Community and Clarification of Conceptual Concepts // Bulletin of Tomsk State University. History. 2020. No. 65. Pp. 154–164.
41. Vinokurov M.A. Siberia in the First Quarter of the Twentieth Century: Development of the Territory, Population, Industry, Trade, and Finance. Irkutsk: Publishing House of the Irkutsk State Econ. Academy, 1996. 186 p.
42. Vinokurov M.A., Sukhodolov A.P. Economy of Siberia: 1900–1928. Novosibirsk: Science, Siberian Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 1996. 320 p.
43. Litvina V.I. NEP and private entrepreneurship in the Angara region // Irkutsk region in the panorama of centuries: materials of the scientific and practical conference (Irkutsk, September 23, 1997). Irkutsk: Irkutsk State University, 1997. pp. 23–27.

44. Zyкова N.L. Private trade in the Yenisei and Irkutsk provinces in the 1920s: author's abstract. diss. Cand. Sci. (Hist.) Ulan-Ude, 2007. 27 p. 45. Karlova T.M. Private entrepreneurship in industry and the trade and procurement sector of the economy of Eastern Siberia during the NEP: diss. Cand. Sci. (Hist.) Irkutsk, 1999. 247 p.
46. Karlova T.M. Problems of social development in the trade and industrial sector of the economy of Eastern Siberia during the NEP years // Scientific notes of the Russian state social university. 2012. No. 8. Pp. 89–92.
47. Afanasova E.N. Child homelessness in Eastern Siberia in the 1920s–1930s. Experience in implementing state policy in the field of social protection of children. Monograph. Germany: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 282 p. URL: <https://www.iprbookshop.ru/11454.html> (date accessed: 02/07/2025).
48. Afanasova E.N. Materials of regional archives on the protection of motherhood and childhood in Eastern Siberia in the 1920s–1930s // Bulletin of the Irkutsk State Technical University. 2015. No. 4 (99). P. 365–369.
49. Orlova I.V. Implementation of the Social Policy of the Soviet State during the NEP Years (Based on Materials from the Yenisei and Irkutsk Provinces): Diss... Cand. Sci. (Hist.). Irkutsk, 2007. 283 p.
50. Shalamov V.A. Lifestyle of the Peasantry in Eastern Siberia (Based on Materials from the Irkutsk and Krasnoyarsk Archives): Abstract of Diss... Cand. Sci. (Hist.). Irkutsk, 2011. 23 p.
51. Ivanov V.V. The Soviet State and the Peasantry in 1920–1927: Experience of Mutual Influence (Based on Materials from the Angara Region): Diss... Cand. Sci. (Hist.). Irkutsk, 2017. 270 p.
52. Orlov I.B. NEP: contemporary discussions and prospects for study // Russian statehood: experience of 1150-year history: materials of the international scientific conference (Moscow, December 4–5, 2012). Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, 2013. pp. 387–395.